

С воскресной дневной тренировки шли, не торопясь, Юрка и Сережка: первый налегке, второй — с небольшой спортивной сумкой на плече. Настроение чудное: скоро летние каникулы, несколько футбольных турниров и столько всего! Перебирали азартно интересные моменты игры, которую тренер, по обыкновению, оставил на конец. Финальная эта часть тренировки была для мальчишек самой желанной, казалась скоротечной. С удовольствием гоняли бы

мяч все время вместо скучных силовых упражнений, разборов игровых ситуаций, прочих занятий. Вот и теперь, не наигравшись вволю на поле, то и дело затевали на ходу перепасовку мелкими тротуарными камушками, принимали поочередно воображаемый мяч на грудь, били его головой, крутили с ним финты, мешая прохожим.

Учились мальчишки в разных школах, друзьями не были, встречались и общались только на тренировках, соревнованиях да еще изредка возвращались вместе со стадиона: кто-то из родственников Юрки жил недалеко от Сережкиной многоэтажки.

Приближался хорошо знакомый кондитерский магазин «Сдоба», аппетитно пахнувший издали, соблазнительный, манящий. У Сережки имелась заначка, и он сказал Юрке: «Зайдем». Тот сглотнул голодную слюну, хлопнул руками по карманам: «Я пустой».

— На пару коржиков у меня есть, — успокоил Сережка.

В просторном светлом павильоне со стеклянным фасадом не было никого, кроме пышной симпатичной продавщицы с благодушным лицом, идеальной хозяйки этих изобильных витрин, предлагающих торты песочные, бисквитные, торты-безе, пирожные «Корзинка», «Эклер», «Картошка», «Буше», коржи разных видов и форм — благодать для сладкоежки. Несколько лотков с пирожными и коржами были выставлены поверх витрин.

Стоя за витринами, продавщица говорила с кем-то через приоткрытую во внутреннее помещение дверь.

— Что берем, мальчишки? — повернулась она к ним, приветливо улыбнувшись.

— Пару коржиков-уточек, наверное, — сказал Сережка, пересчитывая мелочь.

Продавщица опять обернулась к двери, что-то спросила. Потом скрылась за нею, предупредив громко: «Я мигом».

— Сумку открой, — процедил неожиданно Юрка.

Сережка машинально расстегнул, а Юрка стремглав кинулся к дальнему лотку с пирожными, схватил проворно три эклера и сунул в сумку. Сережка оторопел: в ушах зашумело, сердце загрохотало во всех сторонах, перехватило дыхание. Очнувшись через секунды, стал доставать назад пирожные.

— Ты, что! Застукает, — вцепился в его руки Юрка, с трудом удерживая их.

Сережка рывком высвободился, полез опять за эклерами, как тут по-

слышались быстрые шаги, и в павильон вернулась продавщица. Сережка застыл, вытянувшись столбиком.

— Ну что, мальчики, выбрали?

Похоже, ее все еще занимала нужда, отвлекшая во внутреннее помещение. Взгляни она в Сережкины глаза, из которых били растерянность, испуг, негодование, наверняка почуяла бы: что-то не то.

Юрка поспешно кивнул: «Ага. Дайте две уточки». Пока женщина заворачивала коржи, он прошептал недвижному Сережке: «Деньги давай, и уходим». Тот пудовыми руками покорно отдал монеты продавщице, а Юрка взял коржи, вежливо поблагодарил и потянул Сережку к выходу.

За дверями Сережка разгневанно напустился на Юрку, толкнув его с силой в плечо: «Ты гад, Юран! Это же воровство! Пошли, вернем». Оскорбленный Юрка покрутил у виска пальцем: «Сам ты гад! Куда пошли? Не заметила же. Хочешь, чтобы шум подняла. Когда хватится, нас и не вспомнит... Да они сами лопают и списывают: просрочено там или еще чего. Нашел воровство. Ешь пирожное — повкуснее коржика». Он ловко выудил из приоткрытой Сережкиной сумки эклер, принялся смачно уплетать его.

Шума Сережка не хотел. С ненавистью глядел на Юрку, торопливо доедающего пирожное, роняющего крем на тротуар и себя. Не выдержав этой картины, выхватил два оставшихся эклера, сунул их в руки изумленному Юрке: «На, жри!» — и пошел быстро прочь.

Шагал, плохо разбирая дорогу, костерил всяко Юрку, а заодно его родню, что проживала поблизости и одарила таким попутчиком. Потом раз за разом воспроизводил в сознании происшедшее, и на душе становилось еще тяжелее, мысли мешались. Но одна стала пробиваться отчетливо: «А ты-то, ты! Такой же воришка! Мелкий трусливый воришка!.. Рядом стоял? Стоял. Сумку подставлял? Подставлял. Юрана не остановил? Нет. Воришка! С почином!»

В горячих висках лихорадочно застучал вопрос: «Как быть?! Как?!»

Несмотря на смятение, удивительно скоро нашелся обнадеживающий выход: «А так! Достать надо срочно денег — больше, чем стоят три эклера, хотя бы раза в два — и отдать продавщице, повиниться, прощения попросить. Это, мол, за эклеры и штраф как бы... К маме за деньгами не пойду. Продам серию кубинских марок «Африканские

хищники» — Ванька ее давно хотел, заплатит сразу... Спрашивать начнет продавщица — что да как — скажу просто: сами не знаем, как так вышло, простите — бес попутал. Пожурит, погрозит, не без этого, и отпустит. Чего ей шуметь — деньги вернули с лишком». Сережка с облегчением поверил, что так оно и выйдет, не мешкая взялся за исполнение задуманного.

И вот меньше чем через час с деньгами, полученными за марки, он уверенно направился к цели, широко вышагивая. Как не силился отбрыкиваться от сомнений, опасений по поводу своего решения, они таки прорывались, допекали, замедляли шаг и, добившись своего, остановили за несколько десятков метров до «Сдобы». «Ну, зайду я, — рассуждал Сережка, — и выложу, что придумал, а она все ж возьмет и поднимет шум, хоть и милаха: “Денег принес больше, чем пирожные стоят! Откупиться хочешь, хитрец! Нет, касатик. Это воровство! Мелкое, а воровство. И по закону ответишь. Дружка нет, один ответишь. Милиция разберется — по какому закону. И в школе покраснеешь, как положено, и перед родителями”. Так и будет, — похолодел, сник мальчишка. — Мама еще поймет, а отец! А школа!»

Он прошел мимо злополучного магазина, прибавил шагу. Брел и брел по хмурому, душному городу, по самым отдаленным улицам и пыльным переулкам, волоча за собой тяжкий груз, пока совсем не устал. Упал на облезлую скамейку, вытянул гудящие ноги. Напряжение основное схлынуло, и возникли спасительные размышления: «Все ж было, как снег на голову. Я никак не ожидал, представить такого не мог... И пытался вернуть пирожные на витрину, да помешал этот... И швырнул эклеры этому... Что, надо было выложить их прямо перед продавщицей? И объяснить потом, что не верблюд?.. Короче, пирожные я не тырил, не жрал. Нечего и стыдиться, изводить себя».

Приободрившись, отправился скорей в свой двор, к ребятам. Те собирались в кинотеатр. Обрадовался случаю отвлечься, присоединился к ним. Смотрели старый фильм о войне, о партизанах, среди которых было несколько мальчишек — пионеров. Смышленные пацаны, вооруженные не хуже взрослых, бесстрашно подрывали фашистские поезда, обстреливали вражеские автоколонны, ходили в разведку в окрестные деревни, где располагались гитлеровцы, получали ранения, а одного даже убили в бою. Сережка и другие дворовые ребята не раз уже ви-

дели эту картину, и она им не надоедала. После просмотра обычно проходились по ярким эпизодам, фантазировали, как бы сами на месте героев фильма дурили и мочили фрицев, придумывали собственные ходы. Завидовали юным партизанам и непременно похвалялись, что доведись партизанить, себя бы уж показали, без наград не остались.

Сережка незаметно ускользнул из кинозала перед окончанием фильма и побежал к «Сдобе». До закрытия оставалось немного. Дождавшись терпеливо, когда павильон опустеет и продавщица останется одна, он вошел, стиснув в ладони приготовленные деньги. Минут через пять с сияющим лицом, эклером в руке, появился на низком крыльце павильона, шагнул с него и полетел над уютным, воздушным городом.